

Чухрай Павел

20.05.03.

Вечерний звонок Павлу ЧУХРАЮ Отец просто готовил меня к жизни

Известия - 2003 - 20 мая - с. 16.

— «Баллада о солдате», «Чистое небо» и многие другие картины вашего отца искренни и патриотичны, что нынче не модно, что он говорил про современный кинематограф?

— Ну что значит «нынче не модно»? Я бы с этим поспорил, потому что меняется страна, меняются понятия. Мне бы не хотелось противопоставлять все это. И потом, отец относился к современному кинематографу как нормальный художник. Это значит — талантливые картины, удачи его радовали, а неудачи — огорчали, так же как тогда, когда он сам работал. В то время была масса бездарных картин. Те, которые похуже, они недоживают, остаются какие-то вершины или хотя бы удачи.

— Когда на экран вышла «Баллада о солдате», вам было лет тринадцать, как вы смотрели его фильм?

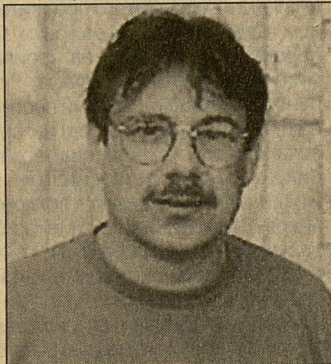
— Я не мог отделаться от мысли, что это не просто картина, до тех пор, пока она не прошла много-много раз. Я очень волновался, кто как ее воспринимает.

— У вас не было в детстве ощущения избранности?

— Нет, конечно. Про это никто никогда не говорил и не думал. Отец ведь был уже немолодым человеком, когда начал снимать. Пришел с фронта, потом учился, в тридцать лет он снял первую картину! И когда он снимал третью, «Чистое небо», мне уже было 15 лет. Слава была, но благополучия не было, мы жили в коммуналке очень долго. Поэтому ощущения избранности никогда не было.

— А когда вы сами стали снимать, отец учил вас, как это делать правильно?

— Нет. Может быть, за всю жизнь была пара профессиональных разговоров. Потому что режиссура — это профессия, в которой, конечно, есть определенные техни-

Павел Чухрай

ческие секреты. В институте достаточно 2–3 месяца послушать, чтобы узнать все, что тебе надо знать теоретически про кино. Но на самом деле этого недостаточно. А у нас с отцом как-то по-другому складывались отношения, мы много разговаривали вообще про жизнь, про страну, про патриотизм, не произнося этих высокопарных слов, и это казалось мне важнее.

— Вы были друзьями?

— Можно и так сказать, но это значит — ничего не сказать. Он был замечательным отцом. Но это не значит, что я мог сказать ему все и поделиться всем. У нас у каждого была своя жизнь. Но я знал, что он всегда меня поймет и поможет. Это были... да, мужские отношения.

— А в детстве он наказывал вас за что-нибудь?

— Нет. Мне было очень важно его мнение, и его молчаливое осуждение было гораздо страшнее, чем наказание. Я до 6 лет жил у бабушки, потому что у нас не было жилья. Я помню, пришел к нему почему-то в слезах и начал жаловаться. Он сказал мне: «Что ты пришел ябедничать?» Для меня это было самое позорное. Он меня просто готовил к жизни, за что я ему благодарен.

Татьяна ВЛАДЫКИНА